

Публицистическая статья
УДК 745.5(470.315)
DOI: 10.46724/NOOS.2023.1.13-19

В. Т. Котов

«ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У СЕЛА-АКАДЕМИИ ПАЛЕХ?»¹

Аннотация. Автор статьи рассматривает село-академию Палех как уникальный живой родник русской культуры. Подробно рассказано об истории обсуждения проектов палехского музея и идеи создания научно-исследовательского института палехского искусства. Зафиксирована мысль о необходимости единого творческого союза палехских художников в условиях нового смутного времени. Раскрыта специфика феномена «иконописный Палех». Сформулирован вывод о едином Палехе, где будут сосуществовать и соразвиваться светское искусство лаковой миниатюры и культовое религиозное иконописание. Материал дает представление о трудностях дискуссий и практике институционального обеспечения развития палехского искусства в контексте его роли в российской и мировой культуре.

Ключевые слова: село-академия Палех, история палехского искусства, лаковая миниатюра, религиозное иконописание, культурно-историческое проектирование

Ссылка для цитирования: Котов В. Т. «Есть ли будущее у села-академии Палех?» // Ноосферные исследования. 2023. Вып. 1. С. 13—19.

Original article

V. T. Kotov

«DOES THE PALEKH VILLAGE ACADEMY HAS A FUTURE?»

Abstract. The author of the article considers the village-academy of Palekh as a unique living spring of Russian culture. The history of the discussion of the projects of the Palekh museum and the discussion of the idea of creating a research institute of Palekh art are described in detail. The idea of the need for a single creative union of Palekh artists in the new time of troubles is fixed. The specificity of the phenomenon "icon-painting Palekh" is revealed. The conclusion is formulated about a single Palekh, where the secular art of lacquer miniature and cult religious icon painting will coexist and develop. The material gives an idea of the difficulties of discussions and the practice of institutional support for the development of Palekh art in the context of its role in Russian world culture.

Keywords: Palekh village academy, history of Palekh art, lacquer miniature, religious icon painting, cultural and historical design

Citation Link: Kotov V. T. (2023) «Does Palekh academy village have a future?», *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 13—19.

© Котов В. Т., 2002

¹ Публикация выполняется по тексту неизданной машинописной рукописи Виталия Тимофеевича Котова «Палех. Забытое. Неведомое».

Есть ли будущее у села-академии Палех? Есть! Как у уникального живого родника русской культуры. Но многим будущее видится в форме грозного вопроса. Наступило смутное время распада. Уроdlивая экономика враждебна творчеству и уже изуродовала психику художников. Распалась материальная база Союза художников и Художественного Фонда. Недостроенное здание, возможно, пригодится только на слом. А в старом здании — запустение.

И — духовное оцепенение. Рознь и одичание во взаимоотношениях. Вселяет надежду сплочение большей части видных художников, которые движутся и живут не пещерными интересами, а восстановлением палехского искусства. Первая задача — единый творческий союз. Без этого других возможностей и перспектив не видно.

Правда, не все плохо: в условиях рынка художники дороже продают свой труд, хотя и говорят, что стало хуже. Но экономическое положение художников требует серьезного изучения. Вместо этого разные газеты время от времени подбрасывают сомнительные мысли о художниках-капиталистах, хотя каждый художник зарабатывает только талантом, мастерством, кисточкой и горсточкой красок.

Без запретов пишут иконы на заказ, на рынок, для церквей, то есть для удовлетворения культовых потребностей общества. И палешанам не пришлось для этого учиться. Они и до этого систематически писали иконы и умели писать с высоким мастерством. Миниатюра основывалась на технике и стиле древнерусской иконы. Но это было техническое копирование образцов. Теперь в икону должно войти творческое начало. Разговор об этом должен быть особый. Но, без сомнения, в будущем в Палехе будут рядом существовать и развиваться светское искусство лаковой миниатюры и культовое религиозное иконописание.

Многие сейчас хлопочут о восстановлении иконописного Палеха. Но что такое иконописный Палех? Это не только иконописцы и писание иконы. Иконы писали всюду, везде были свои иконописцы и иконописные мастерские. А Палех был единственным. Было «палехское дело» и, прежде всего, «софоновское дело». Палехские иконописцы, объединенные в артели и мастерские, работали на всю Россию. Это был очень сложный организм. Возможно ли подобное в будущем? Не знаю. Думаю, все будет зависеть от высших церковных властей.

Думаю, что палехское иконописание и лаковая миниатюра, развиваясь и существуя по разным законам, будут интересно и не без взаимной пользы взаимодействовать. В миниатюре, наряду с песенной, сказочной, былинной, исторической явится и будет энергично развиваться религиозная миниатюра. Это не будет икона. Как не является иконой картина Ивана Крамского «Христос в пустыне» или «Явление Христа народу» Александра Иванова. Это — религиозная живопись. Религиозную миниатюру можно писать и на черном фоне, тогда как икона на черном фоне недопустима.

И это будет не два Палеха, а единый Палех. Объединяет их понятие «село-академия». Это понятие мы усвоили от Ефима Вихрева. И оно живет до настоящего времени. Оно естественно, как и эпитеты «песенный», «сказочный». Но понятие «село-академия» шире этих частных определений, оно включает в себя Палех иконописный, Палех советский, будущий Палех.

Очарованные экзотическим сочетанием старого и нового в Палех вслед за Е. Вихревым устремляются известные писатели (также из-за рубежа), общественные и политические (в том числе партийные) деятели, члены Правительства. После грандиозного пропагандистского шоу в марте 1935 года (ничего подобного никакому народному искусству никогда не устраивали) искусство Палеха выходит на авансцену советского искусства: стенописями во Дворцах пионеров в Ленинграде, Москве, Иванове, Свердловске и других городах, участием на пушкинской выставке и 750-летнем юбилее «Слова о полку Игореве», оформлением книг и театров. Но после этого Палех «забывают».

В конце 1930-х годов происходит упадок художественный, а военная разлука закрыла мастерские и училище. Но в пятидесятые годы началось постепенное восстановление Палеха. Для меня этот период связан с практической деятельностью в палехском искусстве.

Так случилось, что до войны в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ) я учился у Г. В. Жидкова и А. В. Бакушинского, а после войны — в аспирантуре под руководством Г. В. Жидкова. После окончания по приглашению из Палеха я был направлен заместителем директора музея по научной работе и преподавателем истории искусств в училище.

Палех, который оставался таким же, как на фотографиях тридцатых годов, летом очаровывал чистой речкой, ухоженным лесом и лугами, людными и обильными базарами (среда и воскресенье), избами, сияющими внутри уютом и чистотой, обильными дарами леса, реки, садов, огородов. Гостеприимные, общительные, ласковые люди, хозяйки славились своим кулинарным искусством.

Но по осени и весной село тонуло в непролазной грязи, не было электричества. Дом культуры разрушился, и его перевели в софоновскую конюшню. Палех был запущен во всех отношениях, много было пустырей и развалин. Я вспоминал картины и рисунки передвижников, изображавших разрушенные деревни. Не стучали топоры, ничего не строили.

А в музее было чисто и уютно. Он имел вторую, то есть республиканскую категорию и назывался Государственным. Имелся большой штат, и зарплата выше, чем в областных музеях Иванова. В этом отношении он был единственным и подчинялся РСФСРовскому комитету по делам искусств. В Крестовоздвиженском храме был открыт только главный придел, теплая церковь была закрыта (позднее в архиве я нашел письмо, подписанное директором музея, во Всесоюзный комитет по делам искусств с просьбой закрыть храм как не имеющий художественной ценности). Посетителей мало: до шести тысяч в год, в том числе 50—60 экскурсий. Проверки Комитетом по делам искусств показывали неудовлетворительное качество экскурсий, учета и хранения и отсутствие научно-исследовательской и других форм работы. Музей вел формальное, мнимое существование.

Вопреки неблагоприятным условиям я начал вводить квалифицированные формы работы. Открыл лекторий по русскому искусству с диапозитивами в софоновской конюшне. Но в Палехе не было электричества, работал изношенный движок для кино. Корреспондент «Советской культуры» описал, как кончается электричество и я, собрав диапозитивы и фонарь, вместе со слушателями ухажу до следующей лекции. После этого с большим трудом в Госнабе в Москве «выбил» передвижную электростанцию и поехал с лекциями по деревням и селам района. С выставками поехал по стране, о существовании музея узнают и в

области, в России, от Феодосии в Крыму до Новосибирска на востоке. Вопреки этому Москва начала последовательно сокращать штат музея. В конце концов, из научных сотрудников нас осталось трое: я, заведующие отделами С. И. Гусева и Л. И. Матюкина (Кулёва). Наконец сократили должность заместителя директора по научной работе, занимаемую мною. Но уволили директора (работал К. А. Вьюгин), а меня назначили директором (и невидимо завхозом, и научным руководителем). Продолжал работать в училище.

В шестидесятые годы музей получает мировую известность, Палех открывают для иностранных туристов. Особенно много приезжают из Западной Европы и США. Палех привлекает внимание мировой прессы и радио. Министерство иностранных дел СССР включает музей в орбиту своей деятельности. Постоянно приобретает путеводители на иностранных языках. Дважды устраивает в Палехе пресс-конференции для корреспондентов более тридцати буржуазных стран. Но мы никакой информации о смысле этих актов не получали. Насколько мне удалось понять, гостей интересовал музей И. И. Голикова и строительство нового музея и училища (последнее было законсервировано).

Из Москвы и Иванова власти возят почетных гостей (из деятелей мирового коммунистического движения помню Роднея Арисменди с сыном). Зачастили руководители партии и правительства. Дважды приезжали члены Политбюро.

Я не думал и не мечтал, что музей превратится в зеркало и лицо не только палехского искусства, но и самого Палеха как богатейшего очага народного творчества. Теперь я вижу, что и раньше, и в настоящее время никто серьезно этого не понимал и не понял. Поэтому так и остался непостроенным новый музей, проект которого давно был завершен. Будущее села-академии невозможно без полнокровного музея. Но это должен быть новый, другой музей, музей нового типа и новых форм работы.

И такой музей уже существует: частично в замыслах, а частично в архитектурных проектах, частично в готовых объектах. Правда, нет Крестовоздвиженского храма и Ильинской церкви. Но есть еще дом-музей И. И. Голикова, дом-музей П. Д. Корина, проект музея-заповедника народной деревянной архитектуры и один его объект — ветряная мельница, да коллекция домового резьбы, донца и тому подобное, отдел советского Палеха, музеи Н. В. Дыдыкина и Н. М. Зиновьева. Но все это получит и смысл, и значение только после постройки нового музея, что, в свою очередь, невозможно без восстановления здоровой, нормальной творческой деятельности, прежде всего восстановления единого Союза художников.

Однажды в нашей газете я рассказал о печальной судьбе палехского музея-заповедника деревянной архитектуры. Действительно, решено было создать в Палехе музей-заповедник. Облисполком издал постановление, составили список, выделили деньги на приобретение пятнадцати построек. Возле Ильинской церкви должны были поставить деревянную церковь XV века из Гаврилово-Посадского района. Дело пока не шло, но мне удалось договориться с заместителем председателя облисполкома и привезти деревянную мельницу, которая установлена на площади, отведенной под весь комплекс. Это вызвало интерес в центральной печати, заснято кинохроникой. Известному архитектору А. Ополовникову заказали проект заповедника, который в эскизном виде опубликован в журнале «Наука и жизнь» (цветная вкладка и фото на обложке). В область приехала архитектор И. Н. Казаринова для составления тома «Памятники

Ивановской области». Он должен был выйти в свет вторым, после тома Ярославской области. Я написал 15 очерков по Палеху. Были и другие авторы. Но ни один том не вышел. Была дана команда — исключить все культурные памятники, сократить памятники старины. Главными становились историко-революционные. Вместо фундаментального научного труда оказалась пропагандистская брошюрка.

И до сих пор мы знаем только печальные результаты этих историй. А механизмы противодействия создавались в глубоких подпольях «высокой» политики. Но теперь я понимаю, что в партийно-правительственных сферах шла борьба между темными и светлыми силами. Во всех моих инициативах меня поддерживали и хорошо поддержали. Затем выступали невидимые темные силы и все притормаживалось или разрушалось. Так же был заживо погребен «Свод памятников СССР» и, заодно, палехский Музей-заповедник деревянной архитектуры. Так же был выброшен и проект нового здания музея для отдела «Новый Палех» (вместо краснокирпичного дома на улице Баканова), а вместе с этим проектом еще и другие. Нового здания настоятельно требовало расширение музейной работы и быстрый рост посещаемости. Количество посетителей от 5—6 тысяч достигло 50 тысяч в год и многих сотен экскурсий, особенно иностранных. Однажды к музею одновременно подкатили около десяти автобусов, а принять экскурсии могли только я и А. В. Бокарева.

Здесь нет возможности перечислить те разнообразные мероприятия, формы и виды деятельности, которые шли непрерывной чередой во внутренней жизни музея и для народа, общественности, художников, благодаря которым музей завоевывал известность и авторитет. Вал посетителей нас захлестывал. К тому же все больше упрекали в убожестве советского отдела, особенно рядом с великолепием храма. Область не имела прав затевать подобное строительство. В то время Н. С. Хрущёв создал так называемое Русское бюро при ЦК КПСС. Интеллигенция восприняла этот акт как начало воскрешения России. Я написал А. Б. Аристову, который возглавлял Русское бюро, и кратко обосновал необходимость постройки нового музея по индивидуальному проекту. Я был удивлен, когда дней через десять мне позвонил Киселёв, заведующий отделом искусства ЦК КПСС, и сказал, что моя записка одобрена и Госбанку дано распоряжение выделить нужную сумму. Он сказал: «Стройте такое здание, какое вам требуется». Это восприняли в Иванове как решенное дело. Но очень скоро это решение отменили. Не скоро, но однажды я получил распоряжение Министерства культуры представить проект нового музея. Отдел капитального строительства облисполкома получил распоряжение на проектирование.

Проект выполнил Гипротееатр Министерства культуры СССР. Проектное задание составил я и принимал участие в детальных разработках на всех стадиях проектирования. Разработал также то, что называется «технологией». Институт работу выполнил, передал музею пакет и строительные чертежи. Современное оборудование предполагалось выполнить в Финляндии. Этот проект опубликован в специальном архитектурном издании и был признан лучшим проектом художественного музея в РСФСР.

Я хотел, чтобы это здание было выполнено на основе модернизированных форм древнерусской архитектуры, чтобы стены были декорированы палехскими художниками в технике фрески, мозаики, витражей, лаковых панно. Но финан-

сово-строительное законодательство этого не допускало. Пришлось согласиться на функциональный конструктивизм из стандартных элементов.

Интересна краткая характеристика музея. Вестибюль с гардеробом на 500 человек. Буфет. Большой выставочный зал: две тысячи квадратных метров, верхний свет, трансформируемое пространство для больших выставок из Москвы и Ленинграда. Малый выставочный зал. Кинолекционный и концертный залы: рояль, система видеопроекционной аппаратуры. Библиотека с книгохранилищем на 50 тысяч томов. Читальный зал. Система специальных хранилищ. Архив. Реставрационные мастерские, лаборатории. Научные кабинеты. Система экспозиционных залов. Специальное оборудование предполагалось заказывать в Финляндии.

Приближалось 50-летие палехского искусства. В Палех приехал Ю. С. Мелентьев, незадолго перед тем назначенный Министром культуры РСФСР, — литератор, известный своим интересом к народному творчеству, особенно к Палеху. С ним приехал и А. Н. Смирнов — первый секретарь Ивановского обкома КПСС.

Думаю, Ю. С. Мелентьев внял голосам критиков проекта музея, поэтому он вскоре и организовал в министерстве конкурс на новый проект. Больше тридцати видных архитекторов представили проекты, превратили строительство палехского музея в монументальное, можно сказать, грандиозное дело. Думаю, что этот конкурс не только гигантская веха в истории Палеха, но и отдельная глава в истории советской архитектуры.

Все проекты, представленные на конкурс, были выполнены в самых изысканных формах, самой современной интернациональной архитектуре. Но среди них был один, который придерживался классического принципа архитектуры (не стиля классицизма, а в широком значении этого понятия). И лучше ничего другого нельзя было желать для Палеха. В этом проекте был архитектурный образ, не техническая геометрия. Я выбрал этот проект, и жюри со мной согласилось. Этот проект был рекомендован для строительства.

С внешней стороны здание превосходило проект здания Гипротeatра. В плане оно было представлено покоем («покой» — церковно-славянское название, буква «П»), то есть в виде буквы «П», сильно растянутой в ширину. Должно было быть воздвигнуто на месте зданий строчевышивальной фабрики и милиции. Открытой стороной обращено к Крестовоздвиженскому храму. Здание двухэтажное. Первый этаж в виде открытой лоджии из арок и колонн был приветлив и гостеприимен. В середине этого растянутого горизонтально фасада возвышалась невысокая башня, увенчанная шатром, как на колокольне храма.

Таким образом, возникал прекрасный архитектурный ансамбль центральной площади из Крестовоздвиженского храма, дома Голикова и нового здания, который символизировал единство старого и нового Палеха. Более удачное решение трудно вообразить. Он лучше первого, гипротeatровского. К тому же новые проекты были эскизами. Поэтому внутреннее устройство можно было разрабатывать, как в первом проекте. Но и этот проект оказался неосуществленным.

Будущее села Палех немислимо без такого музея. Это будет не только новое здание, но и новая внутренняя структура и новые принципы и формы работы. Но будущее «Села-академии» — это еще и институт.

Идею института привез в Палех к 50-летию министр Ю. С. Мелентьев. Его поддержал секретарь Ивановского обкома КПСС А. Н. Смирнов. Но впервые эту идею сформулировал я в Москве на научной конференции в честь тридцатилетия Палеха в 1955 году, что отражено в стенограмме. Идея была осторожно сформулирована «как высшее звено в подготовке палехских художников».

Формулировка министра была понята как создание учебного художественного института. А почему бы и нет? Если из простого ученичества через профтехшколу, техникум явилось Палехское художественное училище к девяностилетию Артели, почему бы к 50-летию не институт?

Но в Москве на большом совещании по постановлению ЦК КПСС о народном искусстве сняли этот вопрос: в селе? Институт? Сотни студентов, много профессоров! Вместо этого министр и руководство училища создали экспериментальную лабораторию. Выделили штат: десять человек. Заполнили удобными для училища работниками, для хозяйственной работы, даже судомойка для столовой предполагалась. Чтобы спасти положение, директор Ю. А. Бровкин пригласил меня наладить работу. Я увидел возможность по-новому сформулировать идею института. Начал исследовать учебные программы, особенно взаимодействие в преподавании техники и композиции Палеха и академического рисунка и живописи (с натуры), взаимодействие с другими предметами.

Через полгода потребовали отчет для министерства. В письме министру я по-своему сформулировал идею института. Это не учебный институт в виде института живописи имени Сурикова, не сотни студентов и десятки профессоров. Это — небольшой научно-исследовательский институт палехского искусства. Для начала весьма немного сотрудников — специалистов, искусствоведов и художников. При институте — курсы высшего мастерства палехского искусства, на которые отделение Союза художников отбирает лучших, перспективных художников для развития новых идей в творчестве. На этой основе создаются специальные лаборатории. Первейшая задача института — усовершенствование учебной работы училища. Лаборатории являются переходом к такому институту. В целом задача института заключается в исследовании истории палехского искусства в связи с развитием палехского искусства и обучения.

Вскоре заместитель министра сообщил, что директора училища и меня в ближайшее время вызовут на коллегию министерства для обсуждения моего доклада. Но в аппарате министерства нашлись силы, которые отвергли это решение руководства и спешно ликвидировали лабораторию.

Но идеи, разработанные мною в лаборатории, и после этого начали работать. С началом перестройки я опубликовал в нашей газете статью о перестройке программы обучения в училище, которая была принята министерством и работает. В статье, посвященной училищу и экономике, я изложил план организации изготовления расписных архитектурных и каминных изразцов для нового сельского и палехского строительства. Но идея не была понята и далее вызвала неодобрение райкома.

Для будущего села-академии небезразлична судьба недостроенного здания мастерских. Думаю, его целесообразно использовать в качестве Дома творчества Союза художников России. Это будет способствовать развитию народного творчества России, будущему сплочению мастеров.